

ОН БЫЛ НАШИМ ДРУГОМ

Когда умирает близкий человек, сердце сжимается от горькой утраты. И в сердцах миллионов советских людей сегодня большая, огромная боль — ушел из жизни Михаил Александрович Шолохов,

человек огромной души, писатель, рожденный революцией и своим гениальным словом художника за эту революцию боровшийся.

Нам, кировцам, Михаил Александрович был близок

особенно. Мы всегда гордились, что именно наш путиловский слесарь Васюков стал прообразом Семена Давыдова, одного из двадцатипяти-тысячников, непреклонных коммунистов, пошедших по

зову партии поднимать целину.

А потом, было это в 1961 году, казаки с Тихого Дона — труженики Вешенского и Миллеровского районов Ростовской области — приезжали вместе с Михаилом Александровичем Шолоховым к нам на Кировский.

Бывали и наши заводские делегации в Вешенской, в одной из которых посчастливилось быть и мне. Никогда не забуду радужную встречу с земляками Михаила Александровича.

Так и продолжалась эта многолетняя дружба, скрепленная единством духа, идеалов, жизненных устремлений.

Михаил Александрович Шолохов ушел из жизни. Но с нами остаются его гениальные книги, которые воспитали и продолжают воспитывать новые поколения коммунистов. Никогда они не постареют, книги Шолохова, как никогда не постареет сама правда о тех великих вехах жизни нашего народа. С нами остается память об этом удивительном человеке.

В. АЛЕШНИКОВ,
бригадир станочников объединения «Кировский завод»

На снимке: М. А. ШОЛОХОВ беседует со старшим мастером Кировского завода, бывшим двадцатипятилетним П. А. Башиловым.

(Март 1961 г.).
Фото из архива «Ленинградской правды».

ЕГО БЕССМЕРТИЕ — В КНИГАХ

ВЕЛИКИМ его называли и при жизни. За глаза — многие, особенно писатели, понимающие, каким живым чудом становится русское слово под его пером. В глаза — решались пореже, из боязни не найти нужную интонацию — ведь у Михаила Александровича был абсолютный слух на малейшую фальшь, малейшую неискренность.

Человек этот и сам был чудом. Написать в молодости первые книги «Тихого Дона»! Но до них были и рассказы, каждый из которых может стать психологической драмой, дебютным кинофильмом. Зорко — на борьбу нового со старым, правдив бес-

пощадно, остроту событий ощущал и передавал, ничего не смягчая, не приглаживая. И какая последовательность, цельность всей линии жизни коммуниста, для которого слово, партии, воля партии — не внешнее, а глубоко свое, родное!

Время все расставляет на свои места. Великим оно назовет художника лишь тогда, когда творческое дарование мастера служит народу, помогает ему в решении трудных проблем, прибавляет сил в преодолении препятствий.

В годы войны он был рядом с героями книги «Они сражались за Родину». И сочеталась в этом человеке суровость воина с нежностью к слабым, с любовью к детям. Вспомните образы детишек, — Мишатку и других в «Тихом Доне», усыновленного сироту в «Судьбе человека», детей в его рассказах...

Ленинграду повезло — биография героя «Поднятой целины» 25-тысячника Давыдова началась на Балтике и затем на Кировском заводе. Ветераны-кировцы не однаж-

ды находили прототипов Давыдова среди своих товарищей. В пору работы в «Ленинградской правде» сразу после войны я встречала в кувзнецком цехе Кировского завода рабочего с именем и фамилией Семена Давыдова, тоже посланного в колхоз в те годы. Не забуду и встречи Шолохова с кировцами в начале 60-х годов во Дворце культуры имени И. И. Газа.

Что же касается Давыдова и Нагульнова, то писатель сам «породил» их как литературных героев, сам и оплакивал

последний их час. Нет, не в переносном смысле, а буквально. Вторую книгу «Поднятой целины» автор, как известно, отдал для публикации ленинградскому журналу «Нева». За первыми частями рукописи в Москву ездил главный редактор С. Воронин, последняя часть ее была в Москве же вручена мне, тогда — заместителю главного редактора.

Две последние главы автор накануне моего приезда уничтожил, но, признавшись в этом, увидел такую реакцию,

что поспешил успокоить: «Я их раз по шесть переписывал, они у меня все в голове...» А на рабочем столе его лежал листочек, на котором им были записаны от руки несколько абзацев из концовки главы. В том числе и знаменитые пронзительные слова: «Вот и отпели донские солдаты дорогим моему сердцу Нагульнову и Давыдову».

Мне посчастливилось в течение двух недель сидеть за машинкой и писать под его диктовку. В листочек с записями он не заглядывал, дошел до этих слов, стал диктовать. Слушая этот текст впервые, я с трудом сдерживала слезы, но я не смела

плакать. Понимала, что я тут временный секретарь, только печатала и — ни звука. А он продиктовал — и разрыдался, достал платок, отвернулся. Ничего вокруг не видел он в ту минуту, только чувствовал боль, боль, боль.

Те из нас, кто в ту пору работал в «Неве», благодарят судьбу за встречи с этим единственным в своем роде человеком. Посчастливилось мне с литературоведом А. Хватовым побывать в Вешенской, в гостеприимном доме Шолохова на берегу Дона, посидеть за столом с приветливой его хозяйской. Так и видится он в теплое апрельское утро, уже смуглый от загара,

в светло-голубой рубашке апаш, короткие рукава которой чуть прикрывают крепкие, даже мощные крестьянские руки. Мы спешили уехать, а он жалел, что не отведаем ухины — судаков рыбаки принесли отменных.

Довелось мне побывать у Шолохова и в Ростове, видеть встречу его с одним из героических защитников Смоленска, стенографистка записывала его рассказ.

Велика наша общая потеря, потеря всего читающего человечества. Но бессмертие писателя Шолохова — в его книгах.

Елена СЕРЕБРОВСКАЯ

12 9 Фев 1984 Ленинградская правда Ленинград